

СПАРТАК И ДРУГИЕ

На сцене Свердловского театра оперы и балета имени Луначарского Николай Ильченко станцевал ведущие партии в «Лебедином озере»; «Жизели», «Дон Кихоте», «Бахчисарайском фонтане»... Когда вспоминаешь работы актера, хочется выделить особенно две из них: Спартака в одноименном балете А. Хачатуряна, много лет идущем на сцене нашего театра, и Хулигана в «Барышне и хулигане» на музыку Дм. Шостаковича.

Произведения эти совсем разные по манере, стилю, наконец, просто по эпохе, воплощенной в них, но тем не менее со временем начинаешь понимать: герои Ильченко были чем-то ощутимо схожи. Скорее всего — крупностью, значительностью характеров, полным отсутствием всякой балетной «голубизны».

Свердловский «Спартак» в постановке Е. Чанги продол-

жает линию одной из первых постановок балета, созданной А. Якобсоном, где Спартак несколько статуарен... У Ильченко эта статичность выглядела выразительной скульптурностью. Он не просто эффектно выделялся с первого появления внешними данными: ростом, гордой осанкой — он был первый и главный, зритель верил в это безоговорочно. Вернее, актер заставлял поверить в то, что его герой отважен и серьезен, мужествен и нравственно красив, потому и повел за собой других. И любовь его к Фригии была по-особому строгой и бережной, как у человека много старше и мудрее.

А тот, кто помнит «Барышню и хулигана», наверное, не забыл, как искренне, щедро по богатству оттенков, жизненных нюансов играл Ильченко преобразование Хулигана. Это было, действительно, преобра-

жение. Неуловимо исчезали бравада, цинизм, юноша весь как-то светлел, и адажио Барышни и Хулигана зримо олицетворяли возвышающую силу любви.

У актера балета время возрастной смены амплуа наступает раньше, чем у коллег из других театров. Сегодня Николай Ильченко чаще высту-

пает в небольших партиях. Сам он не относится к людям, любящим показывать свои переживания, скорее наоборот. Да и слова о любви к театру, к балету произносить не умеет. Если бы можно было вернуться назад, вероятно, что-то сделал бы и не так, иначе. Но вряд ли стоит говорить о прошлом. Ведь есть настоящее.

Рядом с фамилией Ильченко в рецензиях часто рядом писали глагол «играл». А в этом — одна из прекрасных традиций русского советского балета, славящегося не только мастерами яркой, неповторимой хореографической индивидуальности, но и мастерами пантомимы, мимики, одним словом, Актерами...

О новой постановке «Лебединого озера» на сцене театра оперы и балета имени Луначарского существуют разноречивые мнения. Но ясно одно: наряду с просчетами спектакль принес нам и радости. Наверное, для некоторых неожиданностью, например, стала встреча с Ротбартом. Станцевал его Николай Ильченко.

С давних пор, — а почти каждый из нас впервые встретился с «Лебединым озером» если не в детстве, то в ранней юности, — становилось как-то грустно, если принцу Зигфриду, собственно, не с кем было сражаться за Одетту. Нет, номинально, конечно, в каждом «Лебедином озере» злой волшебник был, но какой?!

Что греха таить, принцев-то и не только в балетах исполняют всегда красивые и статные. Принц заметен... Думает-

ся, что вовсе не мелочь. Ротбарт — зло, а зло чаще всего — не простое, не мелкое, не однозначное.

Количеством партии Ротбарта не выросла, не увеличилась. Но он, бесспорно, — одно из главных действующих лиц нынешнего спектакля: человек — птица, величественный, умный, сильный и... страшный.

Подобные роли в балетах трудно анализировать, да порой и невозможно точно назвать слагаемые, из которых они рождаются. Но о некоторых сказать хотелось бы непременно, потому что эти качества, на наш взгляд, и определили удачу Николая Ильченко в последней премьере. Это заразительный темперамент актера; пластическая выразительность жеста. За ними мы угадываем психологическую правду образа, правду театральную, где достоверность и условность связаны в одно неразрывное целое.

А. ЛАПИНА.

На снимках: слева — Н. ИЛЬЧЕНКО в партии Визиря (балет А. Меликова «Легенда о любви»); справа — после репетиции.

Фото В. Долганна и Н. Медведевой.